

Аз воздам

Петр Григорьевич проснулся от монотонного звука капель, падавших из крана. «Видать прокладка ослабла», - подумал он, поеживаясь в полутьме холодного раннего утра. Радио молчало. Значит, еще не было шести часов. «Вот уж зима нонче досталась», - вздохнул он, посмотрев на окна, разрисованные морозными узорами. Встал, надел ватные брюки и пушистый свитер, подаренный дочерью в день рождения. Она решительно выбросила его старую безрукавку, сшитую покойной женой лет двадцать назад, сказав при этом:

- Теперь, папаня, не модно в таком старье ходить. И сапоги на меху обувайте. А то в галошах ноги застудите.

Петр Григорьевич вышел в сени, на лавке обнаружил ведро с замерзшей водой. «Да-а, зима», - хмыкнул он. За свою долгую жизнь он повидал всяких зим. Последние годы зимы были теплыми и люди забыли о тридцатиградусных морозах, снежных заносах до самых крыш. Ему вспомнились зимы детства, вот такие же холодные и морозные, как эта. Но все тогда воспринималось иначе. И мороз был нипочем. Катались с крутых горок на ледянках. Старший брат Алеша сбивал из дощечек квадрат, укладывал в него солому и заливал на морозе водой, не забывая вставить веревку, чтобы было, за что возить ледянку. Однажды они катались с занесенного снегом плетеного сарая. Соломенная крыша на нем была старой и рыхлой. Она трещала, когда мчались по ней на ледянке. Как раз во двор вышел дед Степан, прикрикнул на них. Но это их только подзадорило. Они продолжали кататься с сарая. Вечером отец Григорий Степанович выпорол их нагайкой. «Эх, батя, батя!» - вздохнул Петр Григорьевич, перекрестился на икону, висевшую в красном углу, и вышел во двор. Подбежал пес Буран, радостно запрыгал вокруг хозяина. Петр Григорьевич привязал его, дал поесть. Только он взялся за топор, чтобы намельчить щепы на растопку и наколоть угля, как услышал:

- Доброе утро, Петр Григорьевич! □ соседка Валентина набирала в колонке воду. Новость-то, какая! Идите поближе, расскажу!

- Что случилось?

- Холм, что возвышался над домами Зареченки, сполз. Не зря говорят, что в горе под городом подземное озеро.

- Ну, сполз, так сполз. Что из этого?

- Если бы просто сполз! □ Валентина отставила в сторону полные ведра и налегла на забор. □ Оползень Ваську Хрящова вместе с его двухэтажным домом накрыл. Представляете, только его! А рядом, почитай, в тридцати метрах от его кирпичного забора избенка бабки Анны целехонька! Только огород завалило. Это еще вчера в сумерках случилось. Я туда бегала. Народу-то тьма-тьмущая! Милиция, машины с прожекторами....

- Ох, Господи, прими и прости душу грешного раба твоего Василия, - Петр Григорьевич снял шапку, перекрестился и стал читать молитву, повернувшись лицом на восток.

- Ты что, сосед, этого ирода жалеешь?! - удивилась Валентина.

- О покойниках плохо не говорят. Как же можно, Валя, зло в себе держать?! Я же православный!

- Ну и что?! А ты знаешь, сосед, сколько он кровушки людской попил?! Кто на него работал, так те жаловались. Когда нанимал, то горы золотые обещал. А как время платить подходило, скрывался. Оставлял за себя своего холуя Ваньку Пяткина. А тот только плечами пожимал и триндыкал: «Нет хозяина, ничего не знаю!»

Петр Григорьевич нахмурился и сказал серьезно:

- Ты, соседка, не гневись. Аль заповедь забыла: «Возлюби врага своего?»

Валентина обиженно всплеснула руками:

- Ну и ну! Кого, Ваську Хрящева возлюбить?! Не могу! Ох, что хочешь, думай, Петр Григорьевич! – она схватила ведра с водой и скрылась в доме.

Петр Григорьевич вошел в дом, растопил печку, стал готовить завтрак. Мысли невольно возвратились к происшедшему. Старик не жалел, что не спросил о покаянном кресте, который был установлен немного в стороне от центра холма. Он был водружен как раз над Селивановым затоном в память о жертвах политических репрессий. На этом месте были расстреляны сотни людей. В день поминовения жертв политических репрессий возле креста собралось много народу. Священник отец Иоанн отслужил молебен. Инициатор установки памятного креста медсестра Елена Дмитриевна выступила с проникновенной речью, в которой рассказала о невинно убиенных односельчанах. Петр Григорьевич поначалу слушал ее внимательно. Постепенно его память переключилась на события давних лет. Он вспомнил отца, брата Алешу, соседа Силантия и всех тех, чьи образы еще хранила его стариковская память.

В это время подъехал к собравшимся «Мерседес». Из него вылезли Васька Хрящов и трое его дружков.

- Чтой-то вы тут над моим домом кладбище устроили?! – грубо крикнул Хрящов.

- А кто тебя заставлял дом на этом месте ставить? Разве ты не знал, что строишь его на костях невинно убиенных?! – спокойно спросила Елена Дмитриевна.

- Перестань, Дмитриевна! Мало ли что плетут об этом месте бабки на посидушках. Что было – никто не знает. Мы все когда-то родились? При Советской власти, да и после войны! □ Васька все больше воодушевлялся, поддерживаемый одобрительным возгласами своих подвыпивших дружков.

- Ага, как бы не так! Я все помню! □ воскликнула бабка Анна. Она подошла к Ваське опираясь на клюку. □ Мне хотя и девяносто, но память пока не отшибло! Это по доносу твоего деда Сидора туточки расстреляли моего отца Прокофия, братьев Митрия и Серафима...

- И моего деда Евдокима! – подала голос Елена Дмитриевна.

- И моего! И моего! □ заговорили разом люди, окружив Ваську. Бабка Анна с укором посмотрела на Хрящова, повернулась к кресту, осенила себя крестным знамением:

- Господи, прости его, он сам не ведает, что творит.

На другой день крест исчез с постамента. Прошел слух, что это дело рук Васьки Хрящова и его компании. Но доказательств не было. Через неделю егерь нашел крест в лесу. Он был изрублен топором. Два плотника из лесхоза сделали новый крест.

После завтрака Петр Григорьевич открыл платяной шкаф, достал казачью форму, разложил ее на кровати. Четыре Георгиевских креста отца блеснули под скупым лучом зимнего солнца. Сколько страху и трудностей пришлось пережить их семье, но награды отца сохранили. Мать отсидела в милиции три дня из-за них. Кто-то донес, что она

прячет награды расстрелянного мужа. Год назад Петр Григорьевич сшил себе новую казачью форму (благо времена запрета на нее ушли) и с гордостью прицепил на нее Георгиевские кресты. Он взглянул на фотографии, висевшие на стене: отец Григорий Степанович, мать Евдокия Семеновна, брат Алеша. И снова вспомнилось.

Петя проснулся на печке от громких голосов: в горнице разговаривали отец и сосед Силантий. Потом к ним присоединилась мать. Она со слезами умоляла отца:

- Алешку не берите с собой!

- Цыть, мать! □ недовольствовал отец. □ Нечего ему за твою юбку держаться. Каза семнадцать, пора в бою побывать. Зараз с Петькой останешься.

Как только раздался стук в окно, отец, Силантий и Алеша взяли оружие и ушли. Петя слез с печи, подошел к плакавшей матери. Она обняла его и запричитала:

- Ой, чует мое сердце, Петюнька, ой плохое чует!

Петя растерянно гладил мать по руке, и сам готов был разреветься. Из своей комнаты вышла проснувшаяся бабушка и укоризненно сказала:

- Не травми мальцу сердечко, угомонись, Дуняшка, лучше Бога моли, чтобы сохранил их. А ты внучек, ложись спать. Завтра рано вставать, на базу будешь управляться вместо Алешки.

Сквозь сон Петя слышал, как бабушка и мать молились перед иконами.

Утром, когда Петя мыл руки после работы на базу, а мать собирала завтрак на стол, в дом ввалилась запыхавшаяся Клавдия, жена Силантия:

- Ой, лихо, лишенько на наши головы! Ночью Железный полк в город зашел! Красные! Что творят! Обыски, аресты! Прячьте награды, оружие. Найдут □ расстреляют. Дед Прощка старую саблю со стены не убрал, на базу его же саблей изрубили. Нерусские лютуют: латыши, особенно китайцы. И кто ж вы думаете, водит по домам этих нехристей?! Сидор Хрящов!

- Да ты что?! - всплеснула руками бабушка. □ Дуняшка, скорее мужнины награды и ружье заверни в клеенку и в колодец.

Ночами спали одетыми, вздрагивали от глухого эха выстрелов: на холме над Зареченкой шли расстрелы. Трупы сбрасывали в Селиванов затон. Воскресным днем мать вернулась из церкви в слезах:

- Маманя, отца Сергия и диакона Михаила арестовали во время службы прямо в алтаре. И ишо гутарят - наших привезли в ЧК!

- Чего реветь-то, - спокойно сказала бабушка, - собирай узелок еды и айда, может, дадут свиданку.

Они почти бежали через Мамаев яр в центр города. ЧК находилась на улице Большой дворянской в двухэтажном доме купца Чижмакова. Мать подошла к часовому у входа, спросила: - Слышь, парень, мужа и сына повидать бы, передачу...

- Проходи, не положено! - заорал красноармеец.

В это время со двора распахнулась калитка. Из нее вывели арестованных казаков. Одежда на них была порвана. На лицах следы побоев. Среди казаков шли священнослужители. Силантия Грачева вели под руки. Он волочил перебитую ногу. Петя увидел отца, которого поддерживал Алеша.

- Папаня! □ закричал Петя и бросился к отцу. Один из конвоиров поднял, было винтовку. Но человек в кожаной куртке приказал:

- Не трать пока патроны! Пусть идет с ними, казачье отродье.

Петя бережно поддерживал замотанную окровавленной тряпкой руку отца. А Григорий Степанович тихо говорил:

- Петюнька, иди к мамке. Тебе нельзя идти с нами.

- Не-е-е, я с вами, папаня, с Алешей, дядей Силантием. Я уже не маленький. Я же казак. Ты сам учил ничего не бояться.

Был жаркий июльский полдень. Но Новониколаевск казался вымершим. Ставни многих домов были закрыты. Казаков вели через Мамаев яр к Казачьей горе на Зареченку. На гребне холма поставили в один ряд. Сзади была круча, а внизу Селиванов затон. Жены, матери, сестры беззвучно плакали, сгрудившись в стороне. Петя понял, что может произойти. Он только крепче сжал руку Алеше. Человек в куртке подал команду:

- Заряжай!

Раздался крик матери:

- Петя! Сыночек! Родненький!

Алеша резко толкнул Петю с кручи. Он покатился вниз, больно ободрал лицо и руки о колючки и свалился в яму, заросшую осокой. Это его и спасло. Пуля, посланная вслед, просвистела над осокой. Искать его не стали. Он просидел в болотной жиже до вечера. Когда стало смеркаться, Петя выбрался из болота, прислушался. Было тихо. Только лаяли собаки в Мамаевом яру. Он выбрался на нижний уступ кручи. От Селиванова затона и болота тянуло сыростью. Петю била дрожь. На нем сухой нитки не было. Он не знал, что ему делать, куда идти. И тут он услышал сверху голос матери:

- Петюнька, живой?! Отзовись!

Петя выполз наверх, кинулся к матери и затрясся в рыданиях.

- Поплачь, поплачь, сынок. Мы теперь сироты, всхлипнула она, - отца-то и Алешу убили. А нам велено убираться из дому на хутор Калмык. Ежели не уйдем, спялят вместе с домом...

Петр Григорьевич очнулся от воспоминаний от телефонного звонка. Директор Дома культуры Ключников забасил в трубку:

- Петр Григорьевич, мы Вас ждем. Не забыли, что выступаете сегодня на «огоньке»? вы же у нас самый старший защитник Отечества.

- Помню, Юрий Петрович, уже одеваюсь.

Петр Григорьевич медленно шел по центральной улице города. Старый казак опирался на костыль с острым наконечником. Тротуар был покрыт толстым слоем льда.

- Вишь, как дожили, - ворчал он, - за порядком на улицах некому следить. Денег на зарплату дворникам нету. А людей сколь без работы. А идее работать-то? Все пораспродали залетным бизнесменам. А толку?! Зараз кирпичный завод москвичи купили и бросили. Теперь кирпичи на вес золота.

- Дед Петя, ты чего тут себе под нос гутаришь? □ молоденький милиционер взял старика под руку. - Я тоже на «огонек» иду.

Они как раз поравнялись с памятником в виде гранитного куба. Петр Григорьевич повернул голову и плюнул в его сторону.

- Ты чего?! Это же памятник борцам революции! - удивился милиционер.

- Это для тебя, Сергуня, борцы революции. А для меня, извини, бандиты, наемники: латыши, китайцы. Они же твоего прадеда Силантия расстреляли, моих отца и брата.

- Э-э, дед, это уже история, прошлый век! Забыть пора!

- Говоришь, забыть пора?! Э-хе, хе, Сергуня! Славу-то казачью былую, доблесть казачью, вы, молодежь, забыли!

- Так уж и забыли! Недавно в администрации нас собирали, молодых казаков, наш атаман городской выступал.

- Самозванец Сероштанов, что ли? Без казачьего круга, где скажут казаки «любо», это не атаман.

- Но Сероштанов руководит казачьим ансамблем. Он первый в городе казачью форму стал носить.

- Носить казачью форму да плясать с присвистом — дело нехитрое. А вот честь казачью соблюсти, порядок в городе держать — на это у вас кишка тонка.

- Я, Петр Григорьевич, и так за порядок отвечаю. Сам знаешь, где служу! — обиделся Сергей.

- Да, ладно, не кипятись. Знаю, что служишь хорошо, в Чечне воевал храбро. А ты, хоть знаешь, что вместо этой каменюки, тьфу, памятника раньше было?

- Говорят — часовня какая-то.

- Не какая-то! А в честь победы хоперских казаков над турками. Ее снесли в восемнадцатом. Вместо же — куб гранитный. Вот, мол, мы на века пришли! Ан нет! Нету больше Советской власти. Только неправды много наворочено. Кто разгребет, только Бог ведает. А вы, молодежь, супротив неправды не пойдете. Беспмятными вас сделали. Кто, какого род-племени, не скажете. Вы теперь все советские.

- А разве мы плохо жили?! — вспыхнул Сергей. — Если на то пошло, то при Советской власти порядку больше было. И зарплату хорошую платили, без задержки. Мама с папаней только об этом толкуют, жалкуют по тем годам.

- Жалкуют, говоришь? — усмехнулся Петр Григорьевич. — А они тебе рассказывали, за что дядя твоей матери в лагерях сибирских сгинул?

- Так репрессии были. Об этом все сейчас рассказывают открыто. И дедушку Ваню реабилитировали посмертно.

- А кто его сгубил безвинно, знаешь?

- Нет. Мать не хочет об этом говорить. Мол, меньше знать будешь, дольше проживешь.

- Мудра твоя мама. Она и по сей час боится: вдруг вернется времечко крутое, за тебя боится. А чего бояться, а? Как ты думаешь? Что хотели, то и получили за грехи наши. Ишо в Святом Писании Иисус Христос нарек: «Аз воздам *□□ Вот так-то, Сергунька! Петр Григорьевич перекрестился на заброшенный храм.

Сергей смущенно смотрел на старика: он не знал, что ответить ему. Пока он мучительно морщил лоб, Петр Григорьевич снова заговорил:

- Посмотри, казак, стыдобушка, какая: храм заброшен, даже крышу сорвали, по верху деревья растут. Вот его восстановить надобно, а не двух, трехэтажные замки строить. Душа кровавыми слезами плачет. Молитвы, покаяния просит *□ А мы ее хороше жратвой да заграничными машинами, тряпьем ублажаем *□ А ведь это все тлен, прах. Уйдет, как пришло. Что же после нас останется внукам и правнукам?!

Помолчав, спросил:

- А ты в храме-то, когда последний раз был?

- Перед отправкой в Чечню.

- Это же год назад!

- Надобности не было больше, занят, - стал оправдываться Сергей.

Их разговор прервался перед Домом культуры. На «огоньке» Петр Григорьевич был немногословен. В выступлении сказал:

- Живой на войне остался, потому что очень хотел вернуться в родной дом на Казачью гору, на Хопер, в свой городок, где родился и вырос. И нет для меня места дорожке на свете.

Из Дома культуры шел медленно, вспоминая свой разговор с Сергеем. Не замечал крикливых новомодных вывесок на частных магазинах. Из кафе неслась истошно громкая песня на нерусском языке. Возле двери курили парни. Рядом, не отставая от них, дымили ярко накрашенные девушки в мини-юбках. Сквозь орущую музыку прорывались крики:

- Горько! Горько!

Петру Григорьевичу стало так тоскливо, словно шел он не по родному городу, а был где-то далеко в чужом государстве. «Ох, горько, взаправду горько будет ишо», - думал он. Свернул в переулок, сел на скамейку перед чьим-то кирпичным домом, построенном в западном стиле. Чтобы успокоиться, стал читать молитву.

По Казачьей горе шел в сумерках. И представлялось ему, что свернет он в переулок и увидит свой курень, в котором будет светиться окно. Он подойдет к нему и увидит, как собирает вечерять мать, а отец гутарит о чем-то с Алешкой. А на базу доит корову его незабвенная Дарья Ильинична. «Знать скоро свидимся, - подумал он, - пора к ним собираться, зажился». Вошел в дом, не зажигая света, разделся и лег спать. Засыпал долго, ворочался с боку на бок. Никак не мог выбросить из души ком горечи воспоминаний. Засыпая, подумал: «На все воля твоя, Господи...»

агрипина назина

October 01, 2017

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/11189>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com